

60-летию Великой Победы

Марусина

СУДЬБА

Живёт в одном со мной подъезде нашего дома №23, что на улице Красные зори, тихая и скромная, немолодая уже женщина Мария Михайловна Торунова, моя однофамилица, если не считать родства её отца Михаила Яковлевича с моим приёмным отцом Н.Н. Торуновым. С ней я знаком с раннего детства, когда ещё до войны, с 1934 года, наши семьи жили в Межонских бараках. С тех пор, обращаясь к ней, называю её Марусей, как и принято было в её семье.

Сразу оговорюсь, что варианты нашей фамилии встречаются и с буквой «о», и с «а», а то и вообще без этих букв. Даже в одной семье такое встречается, как в нашем случае: брат Маруси, Лёня, писал свою фамилию с буквой «а». Виноваты в этом неряшливые служащие, оформляющие документы, а то и беспечность самих носителей фамилии. Корни фамилии с разной второй буквой в семье Маруси, как и в других, были в деревне Старинки и соседних крестьянских поселениях левобережья реки Оки, перекоче-

вавшие в Выксу в начале 30-х годов прошлого столетия, а может несколько и раньше.

В начале 30-х годов на Украине случился страшный голод. Сельская местность обезлюдила. Многие люди, избежавшие голодной смерти, покинули родные края. В Выксе тоже поселились беженцы. Старожилы помнят, что семьи украинцев в нашем городе жили в бараках «На песках».

В 1933 году 15 семей из Ляховского района попытались найти счастье, решив переселиться на обезлюдившие украинские чернозёмы, чтобы начать там новую жизнь. Среди переселенцев была семья Михаила Торунова. По крестьянским меркам это была нормальная трудовая семья из 7 человек (!). Кроме отца и матери было 4 сына и самая младшая в семье 5-летняя дочь Маруся. Таким количеством работающих сыновей глава семьи гордился, что предполагало достаток в будущем. Но на деле жизнь оказалась куда сложнее, достатка не было.

Нелёгкая судьба выпала на долю русского крестьянина. Не успели окрепнуть после отмены крепостного права, как вновь нагрянули одна за другой опустошительные войны и революции. Гражданская война, последовавшее уничтожение советской властью зажиточных крестьянских семей, ликвидация единоличников и принудительная коллективизация сельского населения и вовсе в разор разорили некогда важнейшую часть экономики России.

Вот и заметался крестьянин. С Украины - от разорительной политики власти, голода и бедности бежали на бескрайние просторы России, а на Украину, наоборот, потянулись из центрального Нечерноземья на плодородные земли. А куда убежишь? Власть-то и её порядки всюду были одни и те же.

Мария Михайловна вспоминает, как её мама, Анна Васильевна, выговаривала мужу: «И куда ты нас завёз? Сорвал семью с родных насиженных мест, уютную и крепкую бревенчатую избу променяли на покинутую прежними хозяевами мазанку с земляным полом и крысиными норами». Плиты топили кизяком и соломой, тех и других в неурожайные годы было недостаточно. Многое здесь было другим, непривычным и чужим.

Не прошло и полгода, как сорвались переселенцы с чужбины,

ставшей им ненавистной, и снова в родные края, в Россию. В своей деревне Марусина семья не задержалась, а после случившегося пожара, и вовсе обедневшая, переехала в Выксу, где многие бывшие деревенские мужики работали на промышленных предприятиях города, имели хотя и небольшой, но стабильный заработок.

Марусину семью поселили в тесный «сундук», комнату в засыпном двухэтажном доме с плоской крышей (почему народ и прозвал дом «сундуком») и стенами, покрытыми снаружи ободранной штукатуркой, рядом, с сохранившимся донныне, Рабочим клубом или «Фабрикой - кухней», как тогда называли.

Через некоторое время многодетной семье выделили две комнаты с кухонной плитой в бараке № 19, рядом с Межонским прудом.

Марусин отец Михаил Яковлевич (в центре), солдат царской армии.

Понемногу жизнь налаживалась. Марусин отец, в свободное от основной работы на заводе время, наладил в сарае изготовление по заказам населения деревянных табуреток, так необходимых каждому дому. В холодное ненастье работу выполнял в подполе, где соорудил подобие верстака. Я иногда любопытствовал, что делает там, под полом, дядя Миша, заглядывая к нему через люк в освещённое электрической лампочкой загадочное подполье.

Маруся по бойкости и сноровке не уступала мальчишкам. В то время «на бараках» дети большую часть времени проводили на воздухе в подвижных играх. Зимой было плохо, из-за отсутствия тёплой одежды вынуждены были находиться в закрытом помещении, а игрушек по бедности тоже не было. В хорошую погоду, подражая взрослым дядям, увлечённо играли на мелкие деньги в «орлянку» или «чеканку». При игре во вторую равных соперников у Маруси не было, за что в пылу зависти мальчишки иногда её поколачивали. Мать укоряла сыновей, почему они не заступаются за сестру. Но те не вмешивались: «Пусть не играет, тогда и задирать не будут!».

Между тем всё чаще в народе шептались: «скоро война!». Власть в открытую готовила народ к войне. Плакат в 16-м магазине, где люди обширного района с «Межонских барак»», улицы Красные Зори, посёлка Урицкого (Межонки), Жилкооперации при общении друг с другом в бесконечных очередях узнавали новости о событиях в городе и стране, гласил о том, что если враг нападёт на

Марусин брат Лёня.

нас, то своей земли не отдадим ни пяди, бить врага будем на чужой территории. Доходили скупые слухи о боях с японцами на Дальнем Востоке у озера Хасан, о войне в морозных снегах с Финляндией.

Но как ни готовили нас к большой войне, налетевшим ураганом ворвалась она в наши семьи. Надёжу стареющих родителей Маруси, её брата Лёню, призвали в Красную Армию защищать Родину. Ещё недавно после окончания техникума брат учительствовал в нашем районе на Каменном Шолохе. А старший брат уже как два года служил в Армии. Теперь придётся постоянно переживать за них, в тревожном ожидании их возвращения. Потом пришла очередь третьего брата Вани. Но мобилизовали его не в армию, а на трудовой фронт. До конца войны работал он на военном заводе в Челябинске.

Мария Михайловна показала мне, чудом сохранившееся в семье письмо брата Лёни. Написанное в тяжкие дни кровопролитных боёв под Москвой, когда враг стоял на рубеже соседней с нами Рязанской области, письмо было проникнуто чувством преданности Родине, патриотизмом и верой в Победу, заботой о пожилых родителях.

«Родным 6 ноября 1941г. Здравствуйте, многоуважаемые мои родители, папа и мама, и братишки Ваня, Коля и сестрица Маруся. Шлю я вам всем вообще красноармейский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Мама я получил 5.11.41 года письмо, написанное вами 12.10.41 года, за которое очень благодарю и которому очень рад.

Нахожусь я сейчас около г. Серпухова, письмо это удалось получить с трудом, т.к. я перешёл в другую часть. Мама, живу я хорошо, а поэтому обо мне и не беспокойтесь. Здоровье хорошее.

Мама я попрошу написать в следующем письме, как вы узнали адрес Коробкова Николая. Если он присылал письмо, то пропишите, что он писал. Желательно было бы, чтобы писали, какие новости у вас есть. Какие новости в деревне.

Мама, посылаю вам справку, которая вам очень может помочь. Сходите в военкомат с этой справкой, и вам скажут, где что и как получить. Справка поможет получить дрова. Прошу её очень хранить. По этой справке будут даваться льготы как семье среднего начальствующего состава РККА.

Ещё раз пишу, что я живу хорошо, а также и вам желаю того же. Положение на фронте наше улучшается. Враг в панике бежит на нашем участке фронта. В скором будущем ему придётся бежать на всех фронтах. Ждите с победой.

Пропишите, как работает Ваня. Как учатся Коля и Маруся. Мой совет им учиться только хорошо. Чтоб это было только на пользу нашей Родине. Передайте привет дяди Фёдору и тётке Марфе, сестре Нюре, Марусе и братишке Вите. Пропишите, как учится Виктор. До свидания. Лёша. 6 ноября 1941года.

Мой адрес: 968 почтовая полевая станция 693 О.З.А.Д., получить Тарунову Алексею Михайловичу».

Марусин отец, Михаил Яковлевич, участвовавший в первой мировой войне, в силу своего пожилого возраста не подлежал призыву. В начале войны он простудился на работе в поле, где пытался вырастить на клочке земли не то рожь, не то просо. В семью пришла беда, за ней другие: недолго проболев, отец умер от менингита, братья Василий и Алексей погибли на фронте.

Пришла очередь зарабатывать на жизнь недоучившейся, рано повзрослевшей Маруси. В январские морозы 1943 года, в самый

Маруся и брат Коля с мамой
Анной Васильевной

разгар Великой Отечественной войны, приладив на себя обветшалые одежды выросших братьев, Маруся встала у токарного станка в цехе по изготовлению корпусов мин из чугунного литья. Пока в качестве ученика присматривалась, как рано повзрослевшие, теперь уже бывалые, пареньки и девушки выполняют каждый свою операцию по механической обработке корпусов мин. Опытный токарь, фамилии Маруся теперь не помнит, объяснил назначение каждой рукоятки у станка, дал резец и мерительную скобу и ... ушёл к своему станку выполнять свою норму.

Уже через месяц Маруся самостоятельно выполняла на токарном станке норму выработки. Работали по 12 часов при скудном питании и без скидок на, по существу детский, возраст. За годы войны на заводе № 177 (ДРО), кроме основного производства бронекорпусов, было произведено большое количество корпусов для разных боеприпасов, в том числе механическую обработку прошли 860 тысяч корпусов мин.

Не прошло и года, как-то к Марусе подошёл начальник смены И.А. Милов и сказал ей, что её назначают наладчиком. Маруся удивилась: «Какой из меня, хрупкой и слабой девчонки, наладчик?». Иван Александрович улыбнулся: «Ничего, что телом слабая девчонка, зато рабочим характером сильна». Теперь Маруся стала работать на равных с братом Колей, поступившего на завод раньше своей сестры и также работавшего наладчиком.

Накануне праздника Победы, в апреле 1945 года Мария Михайловна перешла работать в механосборочный цех №1, где проработала 38 лет (!) токарем 5 разряда из более 40-летнего непрерывного «токарного» стажа на заводе ДРО.

В 1958 году поредевшая семья переехала из барака в 2-комнатную благоустроенную квартиру в новом доме на улице Красные Зори, построенного заводом ДРО. С матерью, Анной Васильевной, по-прежнему одной семьёй жили Маруся и её братья Ваня и Коля. Дети работали на заводе ДРО. Николай, младший из сыновей, переквалифицировался на газосварщика в бронекорпусном производ-

ве, Иван работал в ремонтно-механическом цехе слесарем по ремонту оборудования.

Шли годы. Преждевременно один за другим умерли братья. В 1983 году Мария Михайловна с завода уволилась, пришла её пора выйти на пенсию по возрасту. После смерти матери осталась доживать свой век одна. Личная жизнь каждого из братьев и её обошла стороной, потому и не оказалось у Маруси близких родственников.

Часто вижу из окна своей квартиры, как Мария Михайловна неторопливо, короткими шажками, часто останавливаясь, «дух перевести», идёт из «Зари», а то и с городского рынка. Обслуживает себя сама, помощи не просит. Характером незлобива, легка в общении с людьми любого возраста. Не ноет и не ропщет, как некоторые, на нынешние условия жизни.

На вопрос, как живёшь на маленькую пенсию, отвечает: «Живу так, как раньше не жила. На зиму запасла три мешка картошки, вдоволь капусты, даже немного солений-варений. Многое мы в жизни пережили. Испытали голод и холод, бедность и войну. Слава богу, ныне хлебушка в достатке, не лезут, как бывало, по головам людей в плотной толпе у магазина. Дома тепло, светло. Пусть у меня пенсия и маленькая, но иногда могу себя и побаловать».

Как-то спросила меня: «Натолий, правда, что в других городах заводы доплачивают своим ветеранам к пенсии по 100 рублей? Мне один знакомый об этом сказал, часто бывает в командировках». Что я мог ответить Марии Михайловне? Видимо, собственники тех предприятий более чутки к нуждам ветеранов.

Вспоминая общих знакомых, подростками работавших на нашем заводе в годы войны, спросил её, общается ли она с ними, ещё живыми, хотя бы по телефону. Оказалась, что у Марии Михайловны нет телефонного справочника, хотя бы старого, а подарить ей его никто не догадается.

«Провинциальная хроника»,
март 2005 г.

* * *

P.S. Как-то спросил Марию Михайловну, отозвался ли кто после публикации статьи, может, подарили справочник? Ответила коротко, покачав головой:
- нет.

20 августа 2006 г.